

Атакулова М.А.

**РОЛЬ ДИХОТОМИИ «ВАРИАНТНОСТЬ/ИНВАРИАНТНОСТЬ»
В ИНТЕРПРЕТАЦИИ ЯЗЫКОВЫХ ЕДИНИЦ**

М.А. Atakulova

**THE ROLE OF VARIANTIES/INVARIANTIES IN THE INTERPRETATION
OF LINGUISTIC UNITS**

Статья посвящена характеристике языковой дихотомии «вариантность/инвариантность» и обоснованию ее роли в интерпретации языковых единиц.

This article is given up the characteristic of linguistic (dichotomies dichotomies)? Varianties (invarianties) and basing its role in interpretation of linguistic units.

Составляющие данной дихотомии не равноценны и не равновесны. Первая составляющая и ее модификации, а именно: вариант, вариация, варьирование, вариантность и т.д. представлены в теории широко и не всегда предполагают наличие второй составляющей – инварианта и инвариантности.

Понятие варианта используется для наименования и характеристики разных реализаций и способов выражения какой-либо языковой сущности. Языковая сущность не всегда представляется однозначно и не всегда передается одним каким-либо способом, а допускает модификацию и видоизменение способа выражения, отклонения от общепринятой и обязательной нормы. Сама «норма как конкретно-историческое социальное явление предполагает сохранение системных и асистемных фактов..., признание вариантности реализаций системы и асистемных явлений, возникших в результате взаимодействия языков. Вариантным явлениям языковой нормы присущи вторичные отличительные признаки – стилистические, территориальные и социальные». Варьированию подвергаются не только системные единицы языка, но и стилистические явления, заимствования, стандартные и нестандартные образования и т.д.

Дихотомия вариант/инвариант применяется для характеристики способа существования и функционирования единиц языка и языковой системы в целом. В этом смысле вариантность/инвариантность выступает в качестве фундаментального свойства языковой системы, функционирования и употребления составляющих ее единиц и категорий.

Под вариантом понимаются разные проявления и видоизменения одной и той же сущности, которая при всех изменениях остается сама собой. Под инвариантом мыслится абстрактное обозначение одной и той же сущности в отвлечении от

ее конкретных модификаций и видоизменений.

В понятии инварианта отображены общие свойства множества объектов, образуемого вариантами. «Сам инвариант не существует как отдельный объект, это не представитель класса, не эталон, не «образцовый вариант, – пишет В.М.Солнцев. – Инвариант – сокращенное название класса относительно однородных объектов. Как название инвариант имеет словесную форму существования. Каждый вариант – объект, принадлежащий данному вариантному ряду, несет в себе инвариантные свойства, присущие каждому члену этого ряда, и может быть оценен как «представитель» данного инварианта».

Эту мысль можно развить и продемонстрировать на примере киргизского языка. В качестве примера возьмем **аффикс аккузатива**.

В обсуждении проблемы соотношения инварианта и варианта в соответствующей морфеме аккузатива мы руководствуемся положением, высказанным Н.С.Трубецким: «В тюркских языках прямое дополнение переходного глагола (то есть именное определение этого глагола) может быть выражено двумя разными способами – в зависимости от того, является ли оно определенным или неопределенным: в первом случае оно не принимает падежного суффикса, во втором случае оно принимает суффикс «аккузатива». Для большинства современных тюркских языков это единственная синтаксическая позиция, где понятия определенности-неопределенности могут внешне различаться». Данное положение позволяет установить инвариантные и вариантные свойства морфемы винительного падежа, исходя из его общего значения.

Аффиксальная морфема аккузатива – идеальное понятие. Она, сочетаясь с основой или корневой морфемой, образует идею аккузативности. Эта морфема в разных случаях своего употребления по своему звуковому облику отличается от «самой себя». Это значит, что морфема аккузатива может иметь чем-то различающиеся звучания, т.е. звучать по-разному в разных условиях своего употребления. Разновидность морфемы, обусловленную контекстом, называют алломорфом или морфом. Алломорфы суть варианты морфемы, реализуемые в речи.

Морфема аккузатива в киргизском языке

состоит из семнадцати алломорфов, объединенных общностью значения и окружения. По отношению к этим алломорфам морфема аккузатива выступает как инвариант, существующий в своих вариантах. В этом смысле каждая из 17 алломорфов несет в себе морфему и является самой морфемой. Другими словами, морфема представляет собой некоторый идеальный объект, реально существующий в виде своих вариантов.

Тождество морфемы и ее алломорфов основывается на тождестве значения. Каждый вариант рассматриваемой морфемы обладает значением «определенный прямой объект, охваченный действием переходного глагола». Все семнадцать алломорфов имеют тождественное значение, обеспечивающее тождество функций. Каждый из этих алломорфов можно считать разновидностью аккузативной морфемы или морфемой в одной из своих разновидностей. Однако между этими алломорфами имеют место звуковые различия. Но они не нарушают семантического единства и тождества морфемы. Как двусторонняя единица аккузативная морфема имеет целостное значение определенного прямого объекта, которое по-разному реализуется в различных условиях и передается с помощью материально различающихся алломорфов.

Морфема аккузатива в данном случае выступает как инвариант. Это абстрактная единица. Алломорф как вариант есть конкретная единица, имеет конкретный звуковой облик и определенное значение, которое свойственно всему множеству алломорфов данной морфемы.

Морфема аккузатива конкретно реализуется в языке в самых различных вариациях и вариантах:

- а) *-ды, -ди, -ду, -дү;* б) *-ты, -ти, -ту, -тү;*
 в) *-ны, ни, -ну, -нү;* г) *-ы, -и, -у, -ү;* д) *-н.*

Последние пять серий морфемы выступают как алломорфы или морфы. Им свойственны общие признаки – аккузативное значение и некоторый сходный фонетический облик. В силу этого они образуют один класс аффиксов. **Понятие «морфема аккузатива или винительного падежа»** характеризует их в целом и выступает их общим наименованием. Оно не входит в этот класс и не является членом этого ряда. Это понятие стоит над этим классом конкретных признаков аккузативности. Все члены этого ряда выступают в качестве реализатора идеи аккузативности. Аккузативность заключена в каждом из них и как инвариантная идея объединяет эти конкретные аффиксы в один класс и распределяет их по пяти подклассам. Если принять аккузативности = *A*, то получится: $A = a, б, в, г, д$. В данном случае *a, б, в, г, д* вместе образуют *A*. *A* не является членом ни *a*, ни *б*, ни других своих подклассов. *A* включает в себя *a, б, в, г, д*, являясь сокращенным и обобщенным их наименованием. Морфема *A* непроизносима, не имеет определенного материального выражения, потому что она

абстрактна.

В системе признаков аккузативности *a, б, в, г, д* являются алломорфами падежной морфемы. Языковая система не допускает взаимозамены между алломорфами, являющимися альтернативными и позиционно обусловленными. **Каждый подкласс алломорфов предполагает по крайней мере два типа позиций.** Их выбор необходимо зависит от качества конечных звуков основы. Именно конечные согласные и гласные основы обуславливают использование того или иного алломорфа морфемы. Например, основы с конечными звонкими согласными открывают позицию для алломорфов подкласса *a*, с конечными глухими – для алломорфов подкласса *б*, с конечными гласными – для подкласса *в*:

1) *кыз-ды* «девочку, девушку», *бел-ди* «спину», *ой-ду* «мысль, идею», *үй-дү* «дом, юрту»;

2) *ат-ты* «коня, лошадь», *эт-ти* «мясо», *ок-ту*, «пулю», *өч-тү* «месть»;

3) *бала-ны* «ребенка», *эне-ни* «мать», *короо-ну* «двор», *төлөө-ну* «плату, оплату».

Алломорфы подкласса *г* предполагают основы с двумя аффиксами лично-посессивного словоизменения – морфемами принадлежности предмета производителю речи или собеседнику: *кыз-ым-ы* «мою дочь, мою девушку», *ат-ың-ы* «твоего коня», «*бел-им-и* «мою спину», *эт-иң-и* «твое мясо, твою долю мяса», *ой-ум-у* «мою мысль», *короо-ң-у* «твой двор», *өч-үм-ү* «мою месть», *үй-үң-ү* «твой дом, твою юрту» и т.д.

Особенность данного подкласса алломорфов признака аккузативности состоит в том, что они находятся в отношениях функциональной эквивалентности с алломорфами подкласса *a*: *баламы/баламды* «моего ребенка», *балаңы/балаңды* «твоего ребенка», *энеңи/энеңди* «твою мать», *короому/короомду* «мой двор», *корооңу/корооңду* «твой двор», *өчүмү/өчүмдү* «мою месть», *өчүңү/өчүңдү* «твою месть» и т.д. Отношение синонимичности между двумя группами алломорфов отличает их от других групп вариаций морфемы аккузатива.

Подкласс *д* алломорфов аккузативности также предполагает определенные типы основы. Они присоединяются только к основам с конечным лично-посессивным аффиксом третьего лица: *бала-сы-н* «его/ее ребенка», *балдар-ы-н* «их детей», *бел-и-н* «его/ее спину», *үй-ү-н* «его/ее дом», *үйлөр-ү-н* «их дома, юрты» и т.д.

Второе условие касается выбора алломорфа с определенным типом гласных. Конечные гласные основы в соответствии с законом сингармонизма предопределяют гласные звуки в составе аффикса аккузативности. Основы с конечными *e* и *и* требуют присоединения к ним алломорфов *-ди, -ти, -ни, -и*; основы с конечными *a* и *ы* – алломорфов *-ды, -ты, -ны, -ы*; основы с конечными *o* и *у* – алломорфов *-ду,*

-ту, -ну, -у; основы с конечными *ө* и *ү* – алломорфов –*дү*, –*тү*, –*нү*, –*ү*. Конечные гласные нейтральны по отношению к подклассу алломорфов *д*, поскольку этот алломорф не варьируется.

При всем многообразии вариантов и вариаций вышеперечисленные морфы объединяются общностью значения аккузативности (винительности) и контекста, сходством и близостью звукового облика. **Это общее и является инвариантным свойством морфемы винительного падежа.** Инвариантным свойством всех семнадцати алломорфов или конкретных морфем являются свойства иметь близкое звучание и иметь значение «определенный прямой объект, охваченный переходным глаголом». Морфема аккузатива абстрагирована от всех конкретных алломорфов, обладающих разным (но близким) звучанием и общим значением. **Значение морфемы для всех вариантов остается неизменным** у всех семнадцати алломорфов, если их определять как преобразования рассматриваемой морфемы, значение определенного прямого объекта сохраняется постоянным, неизменным и, следовательно, инвариантным. Поэтому абстрактную аффиксальную морфему, выражающую значение аккузативности, мы должны определить как абстрактную единицу, имеющую определенное звучание и значение «определенный прямой объект, охваченный действием переходного глагола».

Каждая морфема обладает единством звучания и значения. Аффикс аккузатива тоже выступает как определенный знак. В нем есть две сущности – знак и значение. Аффикс соединяет между собой все реальные алломорфы и их общее значение. При этом каждый из алломорфов выступает как двусторонняя единица. Ибо он обладает звучанием и значением. Разница между морфемой и ее алломорфами состоит в том, что морфема – это некоторая абстрактная единица, существующая в языке в виде множества своих разновидностей (алломорфов), и каждый алломорф в отдельности. **Алломорф же есть конкретная единица или конкретная морфема.**

Все многообразие алломорфов аккузативной морфемы входит в объединение алломорфов признака генитивности. Иначе говоря, **морфема аккузативности является частью морфемы генитивности (родительности).** Ибо наращивание аккузативной морфемы путем присоединения к ней генитивных признаков –*н* (для подклассов *а, б, в, г*) и –*ын, -ин, -ун, үн* (для подкласса *д*) приводит к образованию морфемы генитива. В данном случае мы можем говорить не об однопорядковости и одноипности генитивной и аккузативной морфем, а об их иерархичности: поле генитивности включает в себя поле аккузативности, морфема генитива имеет в своем составе морфему аккузатива. По мнению отдельных тюркологов (Ф.Исхаков, К.Зулпукаров, К.Турдуев и др.), генитив образован от основы

аккузатива. Ср., например:

А. 1) *ат-ты* (акк.) –*н* (ген.), *ит-ти-н, от-ту-н, өт-тү-н*;

2) *адам-ды-н, бел-ди-н, кол-дү-н, көл-дү-н*;

3) *бала-ны-н, желе-ни-н, короо-ну-н, көрөө-нү-н*;

4) *ат-ың-ы-н, бел-иң-и-н, короо-ң-у-н, көрөө-ңү-н*;

Б. *Бала-сы-н-ын, эне-си-н-ин, кол-у-н-ун, көл-ү-н-үн* и т.д.

По каждому из вариантов-алломорфов можно судить об инварианте благодаря присутствию ему инвариантным свойствам. В то же время морфемы генитива и аккузатива реально не существуют, поэтому их невозможно называть. Морфема выступает как отвлеченное от конкретных алломорфов образование. Ее нельзя произнести. Она существует в каждом алломорфе. Мы можем назвать только один из ее алломорфов. Следовательно, **инвариант выступает как классификационное средство упорядочения языкового материала.**

К вариантам суффиксальной морфемы аккузатива относятся не только алломорфы со значением «определенный прямой объект», охваченный действием переходного глагола «в одном языке», но и **все ее модификации, встречающиеся во всех тюркских языках.**

Известно, что межъязыковые варианты аккузативности разнообразны, при идентичности их семантики и общности происхождения. Количество вариантов аккузативной суффиксальной морфемы в тюркских языках разное:

1) в узбекском языке –*ни*;

2) в татарском языке –*ны, -не*;

3) в турецком языке –*йы, -йи, -йү, -йү*; –*ы, -и, -у, -ү*;

4) в азербайджанском и якутском языках –*ны, -на, -ну, -нү*; –*ы, -и, -у, -ү*;

5) в башкирском языке –*ды, -де, -до, -дө*; –*ты, -те, -то, -тө*; –*ны, -не, -но, нө*; *зы, -зе, -зо, -зө* и т.д. (64, с. 119-129).

Узбекское –*ни* присоединяется к любой основе. В этом языке варьирование аффикса не происходит. В татарском языке морфемы аккузатива дифференцируют две группы основы, турецкого, азербайджанского и якутского языков – восемь типов основы, башкирского – шестнадцать. Это говорит о том, что аккузативный аффикс тюркских языков варьируется по-разному, дифференцирует разное число основ, в соответствии с которым различает количество алломорфов.

К этой аккузативной основе присоединяются – *ң* или –*н*, образуя этим генитив, т.е. родительный падеж:

1) в узбекском языке –*нинг*;

2) в татарском языке –*ның, -нең*;

3) в хакасском языке –*тын, -тин, -нын, -нин*; в туркменском –*ның, ниң, -ың, -иң*;

4) в казахском, алтайском и каракалпакском языках: –*дың, диң, -тың, -тиң, -ның, -ниң*; в ногайском: –*дын, -дин, -тын, -тин, -нын, -нин*;

5) в шорском языке *-дын, -дин, -дун, -дүн; -тын, -тин, -тун, -түн; -нын, -нин, -нун, -нүн;* в тувинском *-дын, -дин, -дун, -дүн; -тың, -тиң, -туң, -түң; -нын, -нин, -нун, -нүн;* в башкирском *-дын, -дең, -доң, -дөң; -тың, тең, тоң, төң; -зың, -зең, -зоң, -зөң* и т.д.

Опять узбекский язык проявляет себя как язык несингармоничный. Генитивный аффикс не подвергается звуковому изменению. Он присоединяется к любой основе. В татарском языке дифференцируется два типа основы. В данном случае самыми «морфонологичными» выступают башкирский, тувинский, шорский и киргизский языки.

Вариативны не только морфемы, но и фонемы, лексемы, синтаксемы, фраземы и т.д., то есть все единицы языка вариативны и представлены в виде множества вариантов. В таких случаях отмечают, что «вариантное строение единиц языка обусловлено присущим им свойством «экземплярности». Каждая единица существует в виде множества экземпляров, оставаясь при этом сама собой, подобно тому как одна и та же книга может быть размножена в бесчисленном количестве экземпляров. Само бытие отдельной единицы языка есть ее варьирование, сосуществование множества ее вариантов. В вариантности единиц языка проявляется вариантно-инвариантное устройство всей языковой системы».

Как видим из примеров, инварианты, будучи результатом осмысления и объединения объективных общих свойств разных рядов конкретных единиц, могут быть в разной степени абстрактности. Инвариант генитивности в киргизском языке включает в себя аккузативность, которая состоит из пяти серий подклассов алломорфов. Каждый класс алломорфов инвариантен по отношению к своим составляющим, состоящим из четырех единиц. Все семнадцать алломорфов аккузативной морфемы неповторимы, взаимодополнительны, имеют свой контекст. Общим контекстом аккузативности выступает переходный глагол, а индивидуально-конкретным – определенный фонетический и морфологический тип основы. Взаимозамену допускают только группы алломорфов, занимающие пункты *г* и *а*, которые тоже соответственно образуют своеобразный промежуточный подкласс и имеют среднюю степень обобщенности и отвлеченности.

Многоступенчатая иерархия отношений между фонемами и их вариантами. Все экземпляры звука «а» ($a_1, a_2, a_3, \dots a_n$) позволяют вывести инвариант «фонемы А», а звуковые ряды, образуемые «фонемой А», «фонемой Б» и т.д., позволяют вывести инвариант – «фонему вообще». Любая система единиц языка может иллюстрировать инварианты разных степеней абстрактности. Так, слово *мен* «я» есть конкретный экземпляр-вариант, составляющий вместе со словом *биз* «мы» инвариант

«первого лица», противопоставляемый всем «непервым лицам». Причем слово *сен* «ты» вместе с *сиз* «Вы» образует инвариант «второе лицо ед.ч.», вместе с *силер* «вы» и *сиздер* «Вы» - инвариант «второе лицо». Все перечисленные местоимения образуют инвариант «лица-участники общения», противопоставляемый не-участникам общения, представленных в содержании слов *ал* «он, она, оно» и *алар* «они». А все эти примеры вместе взятые позволяют вывести инвариант «лицо вообще».

Все это говорит о том, что одна и та же конкретная единица может демонстрировать инварианты разных степеней абстрактности. Лексема *жер* «земля», например, отражает действительность в многообразии, в самых различных модификациях, манифестациях и вариациях. Ее смысловое содержание, соответственно, разнообразно, многоступенчато и многослойно. Наши предки на ступени своего первобытно-общинного развития, вероятно, словом *йер* (*ж* *жер*) обозначали место, где они обитали, в противопоставлении понятию «небо». В данном случае оно выступало как название видимой части планеты Земля (Понятие планеты Земля возникло в сознании тюркских этносов только после изучения астрономии, поэтому является производным, вторичным). Объем понятия *жер* динамичен, имеет широкую амплитуду отражения и включает в свое содержание разнообразные значения. Приведем отдельные примеры.

1. *Жер өз огунда айланып турат* «Земля кружится вокруг своей оси». Здесь это слово выступает названием планеты, обозначая «точку» в космосе. Это, вероятно, самое широкое по объему значение.

2. *Пингвиндер жашаган жерди Антарктида дешет беле?* «Место обитания пингвинов называют Антарктидой?». В данном случае слово *жер* ограничивает свой объект отражения, соотносясь с объемом понятия материка или с той его частью, где живут и множатся пингвины; ср. также: *Жер ортолук деңизи* «Средиземное море», где *жер* «земля» имеет значение «суша» (в противоположность океану, морю).

3. *Европа менен Азия кошулган жерде* «Там, где соединяется Европа с Азией». Здесь слово *жер* приобретает не пространственно-двумерное, а одномерное значение, называя известную условную линию, отделяющую Европу от Азии и связующую Северный ледовитый океан со Средиземным морем. Ср. в связи с этим представление античных математиков о том, что линия есть множество точек, расположенных последовательно.

4. *Кыргыз жери* «Кыргызская земля». Данное сочетание имеет два значения: 1) слово *жер* эквивалентно по значению суффиксоиду *-стан* в слове *Кыргызстан*; 2) оно с некоторой натяжкой называет места обитания наших сородичей за рубежом (в Китае, Узбекистане, Таджикистане и т.д.)

или территории, где жили и мигрировали наши предки.

5. *Жер үй* «дом-особняк». Здесь *жер* указывает на участок, где расположен дом, в противоположность квартире в многоэтажном доме, не имеющей собственного участка.

6. *Токтогон жеринден баштап оку* «Начни читать с того места, где остановился». Ясно, что слово *жер* в данном случае указывает на границу между прочитанной и еще не читанной частями текста. Это, скорее, пробел между словами или предложениями в тексте.

7. *Эмдеген жерин ооруп жатабы?* «Место укола у тебя болит?» Тут слово *жер* обозначает определенную точку на теле человека, где произведена прививка.

Примеры можно было бы продолжить. Сфера отражения и обозначения рассматриваемой лексемы невообразимо обширна. Оно охватывает, расчленяет, категоризует и называет пространство и его фрагменты многообразно, имея очень гибкую, богатую и полную смыслового разнообразия концептосферу. Каждый конкретный смысл объединяется с другим или другими, образуя 1-ую ступень абстрактности. Представитель 1-ой ступени абстрактности, сочетаясь с другим или другими аналогичными смыслами и передавая более широкую семантику, приводит к возникновению 2-ой ступени абстрактности. Два или три представителя-варианта 2-ой ступени, комбинируясь между собой и формируя более отвлеченное значение, создает условия для возникновения 3-ей ступени абстрактности и т.д. Все возможные употребления слова *жер* имеют общее или инвариантное значение, которое свойственно всем конкретным проявлениям семантики слова. Это значение при первом приближении можно было бы определить как «точка в пространстве». Такое значение присутствует в любом употреблении данного слова. Все возможные его значения выступают как реальные разновидности инвариантного в совокупности значения «точка в пространстве».

В.М.Солнцев отмечает, что инвариантными являются «некоторые общие свойства предметов. Отсюда следует, что инвариантом следует называть

некоторый абстрактный предмет, характеризующийся абстрактными свойствами. Инвариант, следовательно, есть то общее, что объективно существует в классе относительно однородных предметов или явлений. Инвариант как абстрактный предмет конструируется мысленно путем извлечения общего из ряда предметов и явлений и отвлечения от несущественных для данного класса различий между предметами. Инвариант есть идеальный предмет, который может быть использован для изучения общих свойств данного ряда предметов и любого предмета, входящего в этот ряд». С этой точки зрения совокупность употребления лексемы *жер* образует некоторый однородный класс значений. Каждое конкретное значение является членом этого класса и соответственно вариантом, относительно которого выводится инвариант. Следовательно, любое значение, входящее в данное множество значений, есть вариант по отношению к каждому другому значению (но не вариант другого значения, однородного с ним) и есть в то же время вариант по отношению к инвариантному значению – «точка в пространстве», которое мысленно, т.е. в абстракции, конструируется как обобщенное наименование всего множества значений рассматриваемой лексемы. Каждое конкретное значение лексемы, таким образом, есть вариант по отношению к другому конкретному значению, которое, в свою очередь, является вариантом по отношению к первому. Иначе говоря, **из двух значений слова, составляющих множество, оба являются вариантами, но ни одно из них не является инвариантом по отношению к другому, поскольку каждое из них есть конкретное значение.**

Литература:

1. Кодухов В.И. Общее языкознание. – М., 1974. – 303 с.
2. Кухтенко А.И. Проблема инвариантности в автоматике. – Киев, 1963. – 281 с.
3. Солнцев В.М. Язык как системно-структурное образование. 2-е изд. – М., 1978. – 341 с.
4. Трубецкой Н.С. Избранные труды по филологии. – М., 1987.
5. Якобсон Р.О. Избранные работы. – М., 1985.

Рецензент: д.филол.н., профессор, член-корр. НАН КР, Акматалиев А.А.